

В. А. БАЧИНИН,

*главный научный сотрудник Социологического института РАН,
доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург)*

МАКС ВЕБЕР В РОССИИ: О СОЮЗЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ЭТИКИ И ДУХА КАПИТАЛИЗМА

М. Вебер в своем труде «Протестантская этика и дух капитализма» обратил внимание на то обстоятельство, что в XVI веке многие богатые немецкие города, располагавшиеся в благоприятных естественно-климатических условиях, вблизи старинных торговых путей, отвергли католичество и приняли протестантизм. Новое вероисповедание обнаружило способность оказывать позитивное влияние на экономическую деятельность. В результате соединения таких важных факторов, как объективные предпосылки и удачный субъективный выбор, возник единый вектор преобразовательной деятельности, позволивший европейским протестантам энергично и успешно решать многочисленные социально-экономические проблемы.

Рассуждая о последующих, уже постреформационных поколениях протестантов, Вебер не говорит о том, что они добивались успеха, вступая на экономическое поприще вооруженными одной лишь Библией. Он

указывает на такие предпосылочные факторы, как определенный материальный достаток и наличие в арсенале начинающего предпринимателя добротного, высококачественного, а значит, дорогостоящего образования. Это тот минимум, без которого не может быть гарантий успеха в экономической сфере.

В современной России протестанты не располагают необходимым набором благоприятных предпосылок. На ее просторах действуют совершенно иные факторы, никак не способствующие сходному развитию событий. Естественные климатические условия оставляют желать лучшего. Социальные обстоятельства политического и правового характера напоминают многочисленные ряды устремляющих заграждений, через которые человеку, обладающему верой, совестью и образованием, почти невозможно пробиться.

Что же касается религиозной обстановки, то она в стране такова, что протестант ощущает себя не полноправным гражданином

ном, на пути которого нет противозаконных препятствий для социальной самореализации, а неким аутсайдером, ловающим на себе косые взгляды обывателей, чиновников, православных мирян и их батюшек.

Первым и самым важным субъективным условием, необходимым для того, чтобы верования христианина оказывали определяющее воздействие на его экономическое сознание, является глубина этих верований, твердость христианских убеждений. Существовали ли эти условия в России в прошлом и имеются ли они в настоящем? Чтобы ответить на этот вопрос, приведем две ссылки на российские реалии из наблюдений двух писателей-классиков — Ф. Достоевского и А. Чехова.

У Достоевского мы находим характерную историю, очень похожую на притчу. В одном селе разгорелся пожар, занялась церковь. Мужики тушили огонь, когда к ним подбежал трактирщик и пообещал поставить ведро водки, если они помогут потушить горящий трактир. Конец рассказа звучит лаконично, как воинское донесение: кабак отстояли, а церковь сгорела.

В чеховской повести «Мужики» читаем: «Старик не верил в Бога, потому что почти никогда не думал о нем... Бабка верила, но как-то тускло; все перемешалось в ее памяти, и едва она начинала думать о грехах, о смерти, о спасении души, как нужда и заботы перехватывали ее мысль, и она тотчас же забывала, о чем думала... Марья и Фекла крестились, говели каждый год, но ничего не понимали. Детей не учили молиться, ничего не говорили им о боге, не внушали никаких правил и только запрещали в пост есть скоромное. В прочих семьях было почти то же: мало кто верил, мало кто понимал».

Иными словами, в русском сознании практически отсутствовали структуры, отвечающие за мотивационное обеспечение социально-экономической, правовой, политической деятельности тех, кто носил на груди крест и считал себя православным.

Некогда европейская Реформация взяла курс на преодоление диктата как церковно-католического, так и экономического традиционализма. При этом она не сбила христианскую церковь со своего пути, как это сделала в XX веке большевистская Россия. Европа избрала иной путь, который заключался в том, чтобы взять церковь в союзники, заключить с ней соглашение о взаимодействии и взаимной поддержке. Но для этого понадобилось, чтобы стремящееся к новым горизонтам экономическое мышление объединило свои усилия по созданию нового типа соци-

ально-экономической реальности с жаждающим обновления церковно-христианским мышлением. Россия избрала иной путь, который не принес ей лавров. Причины ее социально-экономического отставания от европейских государств заключались в следующем:

— во-первых, конфессиональные структуры православия, воспринятого Россией от бесславно погибшей Византийской империи, ориентированы на обслуживание общества традиционного типа, не приспособленного к динамичным формам интенсивного саморазвития. Жесткость этих структур столь значительна, что до сих пор они не поддаются никакому позитивному реформированию;

— во-вторых, российское имперское государство никогда не стремилось к тому, чтобы путем библейско-христианского просвещения развивать у народных масс механизмы религиозной мотивации и вовлекать их религиозное сознание в дело развития социально-экономических отношений;

— в-третьих, в XX веке Советская Россия избрала откровенно деструктивный путь радикальной ампутации в массовом сознании всех тех духовных органов, которые ответственны за религиозно-мотивированное обеспечение социально-экономической деятельности. Произошла их замена на мотивационные структуры сугубо секулярного, даже богоборческого, идеологического характера. Но если срок действительности религиозно-мотивационных структур весьма продолжителен и охватывает длительные исторические периоды, то действительность механизмов секулярной мотивации исторически чрезвычайно кратковременна. Не распространяющаяся за пределы жизни одного поколения, она быстро расходует свой мобилизационный ресурс. Поэтому власти, чтобы поддерживать требуемые темпы экономического развития, использовали внерелигиозную и внеэкономическую механику устрашающего государственного террора.

В протестантизме социальный контроль церкви над экономикой никогда не был прямым и непосредственным. Церковь как институт не вмешивается в экономическую жизнь. Говорить об ее диктате, даже если речь идет о кальвинизме, нет оснований. Однако между церковной общиной и экономической деятельностью ее членов присутствует промежуточная и вместе с тем весьма существенная контролирующая инстанция. Ею является христианское сознание верующего-протестанта. Его мышление служит тем связующим звеном, которое, не меняя собственной сути, одинаково эффективно осуществляет свои ориентационные и регулятивные функции в

сферах как церковной, так и экономической жизни.

Анализ отечественной модели отношений между религией и экономикой показывает, что в России:

— не предвидится доминирования протестантской этики над этикой православной и этикой секулярной в обозримой исторической перспективе. А это значит, что российские протестанты (их общее число в стране составляет около 1,5 млн) не смогут существенно и масштабно помочь утверждению в стране духа цивилизованного капитализма;

— не приходится ожидать активного участия православной этики в деле цивилизованного реформирования российской экономики и вообще в социальном обустройстве России также. В стране, где деятельные носи-

тели норм православной нравственности составляют менее 1 % населения, трудно рассчитывать на союз православия и экономики.

Чтобы преодолеть то отчуждение, которое существует между современным православием и духом цивилизованного капитализма, необходимо вовлечь в православие многомиллионные массы, пребывающие вне его. Но современное театральное-декоративное православие помпезных праздничных обрядов вряд ли сможет справиться с этой задачей. Только пройдя через процесс основательного (кстати, давно уже назревшего) реформирования, это вероисповедание, с которым хотели бы идентифицировать себя миллионы носителей русского самосознания, сможет оказывать позитивное действенное влияние на российскую социально-экономическую реальность.